

А. В. Болотнов

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ХАОС НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВЫХ АССОЦИАТОВ
В ЛИРИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

В статье анализируются лексические средства, актуализирующие на ассоциативном уровне некоторые грани концепта *хаос* в лирике О. Э. Мандельштама. Исследование поэтических текстов проводится в русле коммуникативной стилистики текста в рамках двух направлений ассоциирования, связанных с данным концептом: *хаос – первооснова бытия*; *хаос – вечность – тайна – космос (небо – планеты)*. Выявляются некоторые особенности поэтической картины мира автора и его идиостиля.

Ключевые слова: *концепт, текстовые ассоциаты, направление ассоциирования, поэтическая картина мира, идиостиль.*

Ключевой для поэтического дискурса Серебряного века концепт *хаос* получил эксплицитную и имплицитную репрезентацию в поэзии О. Э. Мандельштама. В задачи статьи входит анализ средств лексической репрезентации, актуализирующих на ассоциативном уровне некоторые грани этого концепта, с учетом творческого метода поэта и его индивидуально-авторской картины мира. Исследование проведено на основе разработанной в коммуникативной стилистике текста теории текстовых ассоциаций и теории регулятивности текста [1].

Н. Е. Сулименко справедливо указывала на «глубокую лексическую разработку в прозе О. Мандельштама ключевых, базовых концептов истолкования мира – концептов порядок и хаос» [2, с. 38]. При этом поэтические произведения автора специально не рассматривались исследователем. Как и у других представителей литературы Серебряного века (М. И. Цветаевой [3], М. А. Волошина [4] и др.), данный концепт чаще представлен в лирике поэта на основе различных текстовых ассоциатов, образующих определенные ассоциативные ряды, актуализирующие разные грани концепта *хаос*. В соответствии с коммуникативно-деятельностным подходом к тексту, принятым в коммуникативной стилистике, ассоциат трактуется как «реакция на стимул, смысловой коррелят к слову-стимулу – элементу лексической структуры текста, соотносимый в сознании воспринимающего текст субъекта с *реалиями текстового мира; сознания, а также с другими словами*» [5, с. 9]. Ассоциативный ряд определяется как «совокупность текстовых ассоциатов, объединенных в рамках одного направления ассоциирования, отражающего какую-либо одну сторону (грань) концепта» [5, с. 15].

В процессе анализа стихов О. Э. Мандельштама, относящихся к разным этапам его творчества, на основе приемов интроспекции и сплошной выборки текстовых ассоциатов, актуализирующих разные грани концепта *хаос*, а также последующей их группировки по смысловой общности и тематике, нами было выделено несколько направлений ассоциирования: 1) *хаос – первооснова жизни*; 2) *хаос –*

вечность – тайна – космос (небо – планеты); 3) *хаос – стихийные силы природы*; 4) *хаос социальный – страх – война – смерть*; 5) *хаос – смута – социальное зло – разрушение личности*; 6) *хаос в душе – смятение – страх*; 7) *хаос – темная сторона души – страсть*; 8) *хаос – тьма – тайна – страсть – творчество*. Данная статья посвящена описанию двух направлений ассоциирования, репрезентирующих концепт *хаос*: 1) *хаос – первооснова жизни*; 2) *хаос – вечность – тайна – космос (небо – планеты)*.

1. **Хаос – первооснова жизни.** Это ассоциативное направление, хотя и представлено в ранней лирике Мандельштама нечасто, ярко отражает особенности его поэтической картины мира, черты символизма и акмеизма, которые причудливо сочетаются в творчестве автора. Обращение к образу архаического сознания, связанного с первоосновой бытия, наблюдается уже в ранней лирике автора. Сравним стихотворение «Ни о чем не нужно говорить...» (1909) из цикла «Камень»: *Ни о чем не нужно говорить, / Ничему не следует учить, / И печальна так и хороша / Темная звериная душа: / Ничему не хочет научить, / Не умеет вовсе говорить / И плывет дельфином молодым / По седым пучинам мировым* (1909). Образ темной звериной души, возникшей из мировой пучины и обитающей в ней, отражает появление искры сознания в человеке из бездны хаоса. Образная перифраза *седые мировые пучины* символизирует океан хаоса, в котором пребывала и может пребывать душа человека.

Образ первоосновы бытия отражен и в стихотворении «Silentium» (1910) как средоточие мировой гармонии, рожденной из хаоса. Символом гармонии является здесь рождение Афродиты как вечной красоты. Но есть еще и предвечная красота – таинственный хаос, который определяет «всего живого ненарушаемую связь». Автор призывает вернуться к изначальной красоте первоначальных образов: *Да обретут мои уста / Первоначальную немому, / Как кристаллическую ноту, / Что от рождения чиста! // Останься пеной, Афродита, / И, слово, в музыку*

вернись, / И, сердце сердца устыдись, / С первоосновой жизни слито!

Другими примерами косвенной вербализации концепта хаос, иллюстрирующими ассоциативное направление хаос – первооснова жизни, могут служить два стихотворения поэта 1910 г., опубликованных в сборнике «Камень». Особенностью произведения «Из омута злого и вязкого...» является возможность его разной интерпретации: от обычного осмысления сказанного до символического, формирующего на образной основе глубинный смысл стихотворения. Если придерживаться позиций акмеизма, к которому принадлежал поэт, то сказанное им можно понять буквально (это его размышление о своем жизненном пути, о понимании себя). Если придерживаться эстетики символизма, которая не была чужда автору в раннем творчестве, то можно увидеть в тексте глубинные образы, во многом подсознательные, ассоциативно связанные с концептом хаос. Эта связь возникает в сознании благодаря образу омута, символизирующего первооснову жизни, среду, породившую лирического героя: *Из омута злого и вязкого / Я вырос, тростинкой шуриша, / И страстно, и томно, и ласково / Запретною жизнью дыша*. На ассоциативную связь ключевого слова с непреодолимой силой, с водоворотом, который таит опасность, указывают словарная дефиниция и типовые контексты. Ср.: Омут – 1. Водоворот на реке, образуемый встречным течением. *Затянуло (безл.) в омут кого-н. О. страстей (перен.)*. 2. Глубокая яма на дне реки, озера. *В тихом омуте черти водятся (посл. о том, кто тих, смирен только с виду)* [6, с. 453]. Смысловые признаки *непреодолимая сила, опасность* актуализируются и типовыми ассоциациями, судя по данным Русского ассоциативного словаря. Среди реакций на стимул ОМУТ отмечены: *глубокий – 17; тихий – 10; черти – 9; черт – 7; болото, темный – 5; глубоко, черный – 3; река, с головой, тонуть – 2; безвыходное положение, круг, мутно, мутный, самоубийство, страшно, страшный, топиться – 1* и др. [7, с. 406–407].

В аллегорической форме автор отражает скоротечность и хрупкость жизни: *Я вырос, тростинкой шуриша, / И страстно, и томно, и ласково / Запретною жизнью дыша. // И никну, никем не замеченный, / В холодный и топкий приют, / Приветственным шелестом встреченный / Коротких осенних минут...//*

Автор образно представляет жизнь как цикл от рождения из загадочного, необъяснимого, непостижимого начала, вопреки всему, до увядания, смерти как логического итога каждого из живых: от тростинки до человека. Омут олицетворяется образной перифразой *холодный и топкий приют*. Несмотря на пессимистическую тональность первых четверостиший, последнее отражает надежду и мудрость быть счастливым, несмотря на жестокую обиду; любить,

несмотря на зависть: *Я счастлив жестокой обидою, / И в жизни, похожей на сон, / Я каждому тайно завидую / И в каждого тайно влюблен*.

Продолжением размышлений о жизненном пути человека служит стихотворение «В огромном омуте прозрачно и темно...». Образ омута здесь символизирует жизнь человека в обществе: *В огромном омуте прозрачно и темно / И томное окно белеет; / А сердце, отчего так медленно оно / И так упорно тяжелеет? // То всею тяжестью оно идет ко дну, / Соскучившись по милом иле, / То, как соломинка, минуя глубину, / Наверх всплывает без усилий...* Человек уподобляется соломинке, то идущей ко дну, то всплывающей наверх без усилий. Актуализируется, таким образом, смысловой признак *бесконечные вариации бесконечных возможностей*, которые человек не в силах контролировать, т. е. проявление стихийного начала, ассоциативно связанного с хаосом.

Лейтмотив стихийности жизни человека представлен и в стихотворении «Раковина». Ассоциативная связь с концептом хаос раскрывается здесь через образы *ночи, мировой пучины, огромного колокола зыбей*. Их объединяет масштабность, стихийность: *Быть может, я тебе не нужен, / Ночь; из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег твой. // ...Ты на песок с ней рядом ляжешь, / Оденешь ризою своей, / Ты неразрывно с нею свяжешь / Огромный колокол зыбей; / И хрупкой раковины стены – / Как нежилого сердца дом – / Наполнишь шепотами пены, / Туманом, ветром и дождем...* Лирический герой сравнивает себя с раковиной, в которой отражается шум пучины мировой как проявление стихийного начала: *И хрупкой раковины стены – / Как нежилого сердца дом – / Наполнишь шепотами пены, / Туманом, ветром и дождем...*

В целом в ранней лирике поэта преобладает тяготение к гармоничному началу, которое рождается из первоосновы всего сущего. Поэт ищет красоту в культуре античности и в окружающем его вещном мире, образы которого наполняются новым содержанием. Воплощением вселенской гармонии для поэта является красота (образ Афродиты) и музыка: *Томись, музыкант встревоженный, / Люби, вспоминай и плачь / И, с тусклой планеты брошенный, / Подхватывай легкий мяч! // Так вот она – настоящая / С таинственным миром связь! / Какая тоска щемлящая, / Какая беда стряслась!* Ассоциативное направление хаос – первооснова жизни связано с образом омута, злого и вязкого, загадочного и непредсказуемого источника жизни. Омут олицетворяет, во-первых, саму жизнь – холодный и топкий приют для человека, во-вторых, ее стихийное начало, с которым связана угроза человеку. Кроме того, хаос как первооснова жизни воплощается через образ-символ седой мировой пучины, которая является источником и предтечей бытия для всего живого.

2. Хаос – вечность – тайна – космос (небо – планеты). Это направление ассоциирования, связанное с образами вечности, вселенной, бездны, кометы, представлено в стихах поэта не так часто, как в творчестве М. Волошина [3]. В ранней лирике поэта присутствует мотив таинственной неизвестности, загадочности, связанный с образом вечности, которая непознаваема и внушает опасение. Так, в стихотворении «Не говорите мне о вечности...» (1909) образ вечности ассоциируется с концептом хаос: их объединяют семантические признаки «масштабность» (*Я не могу ее вместить*); «сила», «мощь», «тьма» (*Я слышу, как она растет / И полуночным валом катится; автор отмечает «ее пенящиеся громады»*); «опасность для человека» (*Но – слишком дорого заплатится, / Кто слишком близко подойдет*). Лейтмотивом стихотворения является опасение лирического я перед всепоглощающей бездной небытия и желание найти свое место в вечности: *Не говорите мне о вечности - / Я не могу ее вместить. / Но как же вечность не простить / Моей любви, моей беспечности? // Я слышу, как она растет / И полуночным валом катится, / Но – слишком дорого заплатится, / Кто слишком близко подойдет. // И тихим отголоскам шума я / Издалека бываю рад – / Ее пенящихся громад – / О милом и ничтожном думая.* Вечность в стихотворении персонифицируется и гиперболизируется, характеризуется развернутыми метафорами (*Я слышу, как она растет / И полуночным валом катится*), противопоставляется лирическому герою (ср.: *И тихим отголоскам шума я / Издалека бываю рад – / Ее пенящихся громад – / О милом и ничтожном думая*).

В стихотворении «В смиренномудрых высотах...» (1909) О. Э. Мандельштам отразил образ небесных высот, блеск и холодность звезд в равнодушно-пустых небесах. Глобальность описания пустых бездонных небесных высот, их совершенная свобода рождает ассоциации не только с вечностью, но и с хаосом в космических масштабах благодаря актуализации признаков «масштабность», «глубина», «пустота»: *В смиренномудрых высотах / зажглись осенние Плеяды. / И нету никакой отрады, / И нету горечи в мирах. // Во всем однообразный смысл / И совершенная свобода: / Не воплощает ли природа / Гармонию высоких чисел? // Но выпал снег – и нагота / Деревьев траурною стала; / Напрасно вечером сияла / Небес золотая пустота; // И белый, черный, золотой – / Печальнейшее из созвучий / Отозвалось неминучей / И окончательной зимой.* Автор размышляет о совершенстве природы, свободной и равнодушной к человеку. Как и М. Волошин, Мандельштам затрагивает вечную тему связи природы и человека, цикличность их жизни и увядания (*Напрасно вечером сияла / Небес золотая пустота; // И белый, черный, золотой – / Печальнейшее из созвучий / Отозвалось неминучей / И окончательной зимой*).

Далее эта тема получает иное развитие в стихотворении «Слух чуткий – парус напрягает...» (1910). Автор проводит параллель между собой и окружающим миром, сравнивая себя с природой и небесами, которые воспринимаются им как лишённые гармонии, как и сам человек. Это отражает многомерный взгляд автора на мироздание: *Я так же беден, как природа, / И так же прост, как небеса, / И призрачна моя свобода, / Как птиц полныхголоса. // Я вижу месяц бездыханный / И небо мертвенной холста; Твой мир, болезненный и странный, / Я принимаю, пустота!*

Загадочный образ пустой урны в стихотворении «Медленно урна пустая...» (1911), возможно, символизирует Луну, которая холодно освещает просторы темных небес, внушает особую таинственность и загадочность: *Медленно урна пустая, / Вращаясь над тусклой поляной, / Сеет, надменно мерцая, / Туманы в лазури ледяной. // Тянет, гарцует и манит... Небо не внушает доверия лирическому герою, оно иллюзорно, как некий мираж: *Не понят, не вынут, не тронут – / Жребий – и небо обманет, / И взоры в возможном потонут.* Далее автор меняет ракурс изображения от внешнего наблюдения за небесными телами к внутреннему миру лирического героя, который полон сомнений и несбывшихся надежд: он вытянул непосильный жребий судьбы и был ею обманут. Атмосфера безысходности, проникшая в душу лирического героя, отравляет его существование и лишает надежды: *Что расскажу я о вечных, / Заочных, заоблачных странах: / Весь я в порывах конечных, / В соблазнах, изменах и ранах... Несмотря на тяжелый выбор, который предоставила ему судьба, лирический герой, покидая этот мир, уходит непобежденным, осознавая предназначенную ему неизбежность конца. Пространство природы равнодушно и безучастно к его судьбе: *Выбор мой труден и беден, / И тусклый простор безучастен. / Стыну – и взор мой победен, / И круг мой обыденный страстен.* Таким образом, в стихах поэта существует параллель между таинственным, бездонным, вечным и равнодушным небесным пространством и страдающим от собственных страстей человеком. В этом соотношении, по Мандельштаму, проявляется антиномия космического холодного порядка и внутреннего хаоса желаний и эмоций в душе человека.**

В стихотворении «В лазури месяц новый...» (1911) представлена пейзажная зарисовка местности, увиденная автором в пути. Примечателен образ бездны: *В лазури месяц новый / ясен и высок. / Радуют подковы / Звонкий грунт дорог... / Радость бес-связна. / Бездна не страшна. / Однообразно – / Звучно царство сна!* Общая тональность стихотворения радостная. Дважды используются однокорневые слова *радуют, радость*. Нет тяжелого груза забот, есть ощущение легкости и приятия жизни. Лейтмотивом является отсутствие характерного для лирического

героя поэтических текстов Мандельштама страха перед неизведанным.

В стихотворении «В таверне воровская шайка...» (1913) образ вечности ассоциативно связан с концептом хаос в плане бесконечных возможностей разных действий, которые предоставляет человеку жизнь. Совершая свой выбор, человек забирает часть вечности, чтобы когда-нибудь вновь слиться с ней. Вечность уподобляется песку: *Он осыпается с телеги – Не хватит на мешки рогож – / И, недовольный, о ночлеге / Монах рассказывает ложь!* Глубокий философский смысл стихотворения заключается, по нашему мнению, в утверждении ценности любого мгновения из-за скоротечности жизни. В тексте отражена поэтика реальности, даны бытовые зарисовки, характеризующиеся универсальностью (они могут быть отнесены к описанию как города, так и деревни). Каждый из участников этих зарисовок по-разному расходует свою вечность (вечность – жизнь, время, род занятий): *В таверне воровская шайка / Всю ночь играла в домино. / Пришла с яичницей хозяйка. / Монахи выпили вино... // ...На рынке возятся собаки; / Менялы щелкает замок. / У вечности ворует всякий, / А вечность – как морской песок...*

Продолжением философских размышлений над сущностным смыслом бытия является стихотворение «В игольчатых чумных бокалах...», написанное в ноябре 1933 – июле 1935 г., входящее в цикл «Восьмистишия». Особенностью этого стихотворения является предельная смысловая насыщенность, уплотненность образов, характерные для акмеистов. В частности, автор утверждает, что человек не может осознать неведомое, может только почувствовать его: *В игольчатых чумных бокалах / Мы пьем наважде-нье причин, / Касаемся крючьями малых, / Как легкая смерть, величин.* Здесь в образной форме отражено стремление человека поймать высокое и вечное, остановить ускользающее мгновение, разгадать тайны жизни и смерти. Ребенок сопоставляется в тексте с маленькой вечностью (микрокосмосом), которая связана с бескрайней вселенной, являющейся частью первобытного хаоса: *И там, где сцетились бирюльки, / Ребенок молчанье хранит – / Большая вселенная в люльке / У маленькой вечности спит.* Заключительные строки имеют особый эстетический эффект благодаря приему конвергенции, включающему использование образной перифразы (*маленькая вечность – ребенок*), синекдохи (отражение *большой вселенной* в нем), метафоризации (*большая вселенная в люльке*), антитезы (*большая – маленькая*).

В другом стихотворении «И я выхожу из пространства...» из цикла «Восьмистишия» автор описывает единственно возможный смысл и суть своего существования – желание покинуть ненавистный быт и перейти в прекрасное инобытие, с помощью творческой дисгармонии объединиться с вечностью и создавать искусство, ориентируясь не на реальность, а на

высокие образцы самого искусства: *И я выхожу из пространства / В запущенный сад величин / И мнимое рву постоянство / И самосознание причин.* Мир, по мнению автора, это загадка, полная всевозможных тайн, на постижение которых уходит жизнь человека: *И твой, бесконечность, учебник / Читаю один, без людей – / Безлиственный, дикий лечебник, / Задачник огромных корней.* В другом издании [8, с. 230] *самосознание причин* заменено на вариант: *самосогласье причин*. Связь с концептом хаос здесь имплицитная, на уровне стихийно возникшего желания порвать с реальными обстоятельствами, связывающими сознание автора со всем, что мешает ему быть свободным.

Косвенную связь с концептом хаос можно проследить и в стихотворении «Еще мы жизнью полны в высшей мере...» (1935). Автор рисует картину кажущейся безмятежности окружающих, хотя подтекст стихотворения указывает на грядущую угрозу, которая разрушит хрупкое равновесие существующих вещей: *...Еще стрижей довольно и касаток, / Еще комета нас не очумила, / И пишут звездоносно и хвостом / Толковые лиловые чернила.* Комета символизирует угрозу, предвещает войны, болезни, моровые язвы. В подтексте автор выражает свой страх перед грядущими событиями. Окказионализм *очумила*, производный от слова *чума*, означает предвестие масштабной катастрофы, возмездия за мешанское благополучие. В стихотворении используется особая форма аллегории, основанная на метонимии и метафорах: *И пишут звездоносно и хвостом / Толковые лиловые чернила.* Благодаря этому приему автор в скрытой форме характеризует приметы своего времени.

В другом стихотворении «Небо вечера в стену влюбилось...» (1937) автор передает глубокое эмоциональное потрясение лирического героя от восприятия фрески на известный библейский сюжет, рождающий образ неоконченной вечности, мглы-смерти, космического хаоса: *Небо вечера в стену влюбилось – / Все изрублено светом рубцов, – / Провалилось в нее, осветилось, / Превратилось в тринадцать голов. // Вот оно – мое небо ночное, / Пред которым как мальчик стою: / Холодеет спина, очи ноют, / Стенобитную твердь я ловлю – / И под каждым ударом тарана / Осыпаются звезды без глав: / Той же росписи новые раны – / Неоконченной вечности мгла.* Стихотворение отражает эстетику импрессионизма, стремление запечатлеть динамику мгновения – впечатление от увиденной фрески. «Сюжет стихотворения связан с евангельским событием – “Тайной вечерей”, импульсом послужила, вероятно, репродукция одной из фресок на этот сюжет. Звезды без глав. Образ вызван стихотворением Тютчева “Летний вечер”» [9, с. 630].

Таким образом, рассмотренное направление ассоциирования хаос – вечность – тайна – космос (*небо – планеты*) получает различное художествен-

ное воплощение в стихах поэта разных лет. Связь с концептом *хаос* образов *вечности, бездны, вселенной, космоса* актуализирована благодаря семантическим признакам: «масштабность», «сила», «тьма» (ср.: *ее пенящиеся громады, полуночным валом катится*); «таинственность», «чуждая человеку высшая гармония» (ср.: *смиренно-мудрые высоты, совершенная свобода, гармония высоких числ*); «холодность», «равнодушие», «пустота» (ср.: *небес златая пустота, месяц бездыханный; небо мертвенней холста; пустота; тусклый простор безучастен*); «угроза» (ср. образ кометы: *Еще комета нас не очумила*). В стихах 30-х гг. можно отметить большую связь данного направления ассоциирования с внутренним миром человека, усиление философского начала в осмыслении космической темы, актуализацию связанного с ней семантического признака «угроза».

В целом, по нашим наблюдениям, концепт *хаос* получил многоплановое воплощение в лирике О. Ман-

дельштама. При этом нашли отражение инвариантные признаки концепта, отмеченные в узусе: «первооснова бытия», «бесконечность», «безграничность», «пустота», «стихийность», «беспорядочность в ее многообразных проявлениях». Все эти признаки получили индивидуально-авторскую репрезентацию в поэзии автора. Что же касается использования регулятивных изобразительно-выразительных средств, наиболее распространены в лирике Мандельштама метафоры и сравнения. Они присутствуют практически во всех стихах, отражающих разные направления ассоциирования, связанные с концептом *хаос*. Обращение к олицетворению как типу метафоризации, использование приема персонификации позволяет поэту достичь значительного прагматического эффекта. Часто персонифицируются ключевые для поэтической картины мира автора реалии: вечность (ср.: *ее пенящиеся громады*), космос (*тусклый простор безучастен*), небо (*небо вечера в стену влюбилось*).

Список литературы

1. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль: кол. монография / под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. 331 с.
2. Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его анализа: учеб. пос. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2007. 212 с.
3. Болотнов А. В. О некоторых направлениях ассоциирования, отражающих концепт «хаос» в лирике М. И. Цветаевой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2007. Вып. 2 (65). С. 85–91.
4. Болотнов А. В. Вербализация ассоциативного ряда хаос – первооснова бытия – бездна – космос – вселенная в стихотворениях М. А. Волошина: мат-лы XI Всерос. конф. студ., аспирантов и молодых ученых (Томск, 16–20 апреля 2007 г.): в 6 т. Т. 2: Филология. Ч. 1. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. С. 217–225.
5. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М.: АСТ, Астрель, 2002. 992 с.
8. Мандельштам О. Э. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект, 1997. 720 с.
9. Мец А. Г. Комментарий // Мандельштам О. Э. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект, 1997. С. 513–681.

Болотнов А. В., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 11.03.2009

A. V. Bolotnov

REPRESENTATION OF CHAOS CONCEPT IN TEXTUAL ASSOCIATES IN POEMS OF O.E. MANDELSTAM

The article is concerned with the study of lexical means that actualize associative level for some sides of chaos concept in poems of O. E. Mandelstam. The study was conducted within the boundaries of communicative stylistics of text and concentrated on two generalized associative arrays: chaos – basis of being; chaos – eternity – mystery – cosmic space (sky – planets). Some specific characteristics of poet's worldview and style are revealed.

Key words: *concept, textual associations, associative array, poetic worldview, individual style.*

Bolotnov A. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.